

С 1924 года в Мавзолее побывало более 65 миллионов людей. Ежегодно Мавзолеем Ленина посещает до 2,5 миллиона человек со всех концов земного шара.

Отговарят, пробив одиннадцать, главные часы государства, и до следующего удара курантов мы проделаем путь от Александровского сада почти до Спасских ворот. Из этих тысячи шагов самыми главными для всех нас станут те несколько, в Мавзолее.

...Когда мы вышли оттуда, я оглянулась на Алексея Алексеевича Симакова и вдруг подумала, что, наверное, такое же добродушно-спокойное лицо было у того крестьянина, который преподносил Владимиру Ильичу огромный каравай, приговаривал:

— Хлеб-то вы нуждаетесь здесь.

Может, рассказ о том добродушном ходоке мне вспомнился потому, что Алексей Алексеевич Симаков порадовался ведух урожаю, который удалось вынести в его селе Нащёкино Бондарского района Тамбовской области. Колхозники выполнили три государственных плана. Он говорил об этом так, словно жалел, что не захватил хотя бы горсти золотистых зёрен, чтобы показать их всем людям, которые идут рядом с ним к Ленину. Ему хотелось, чтобы и я, и молодой доктор технических наук из Горького, и механизаторы из Сибири — все мы поняли, как это замечательно. Может быть, поэтому он вспомнил свою юность, голодный 1920 год. Тогда он, шестнадцатилетний секретарь недавно созданной им комсомольской ячейки села Нащёкино, при котилке рассказы-

МЕЖДУ ДВУМЯ УДАРАМИ КУРАНТОВ

вал сельчанам об электрической заре над Советской Россией. Они, первые комсомольцы, рассуждали допоздна о будущем своего села.

...Часы на Спасской башне отмерили ещё четверть часа истории. 15 минут. Их не сожжёшь, не растянешь. Но всё-таки какими плотными были они в 1920 году!

В тот год Герберт Уэллс, писатель-фантаст, назвал план электрификации «сверхфантазией». А 20 ноября 1920 года Владимир Ильич Ленин принял ходока из села Кашино. Во время встречи председатель Совета Народных Комиссаров и крестьянин Курков говорили о проекте районной электростанции. И Владимир Ильич написал записку, в которой было сказано, что необходимую машину надо изготовить на заводе «Динамо».

Свет загорелся в деревнях под Волоколамском, под Тамбовом. Но враги целились в этот свет. И однажды упал от кулацкого пожа Алексей Алексеевич Симаков. Кулаки просчитались: Симаков выжил и начал создавать колхоз. Комсомольцы вступали в

него семьями. На общем собрании дали имя колхозу — «Заветы Ильича». Постепенно, медленно и трудно хозяйство вставало на ноги. ...А на далёком Рейне уже отливали пули для Симакова, для всех советских людей. Черные полчища готовились ринуться на нашу землю.

Симаков ушёл на фронт в первые же дни войны. Когда его часть проезжала через Москву, он и его друг пришли к Мавзолее, к Ленину.

Воевал Алексей Алексеевич все пять лет. Дрался за колхоз «Заветы Ильича», за деревню Кашино, снарядившую ходока к Ленину, за всю страну. Фашистская пуля миновала Симакова.

В Москву Алексей Алексеевич приезжает почти каждый год. И всякий раз он, пожилой человек, персональный пенсионер, с потоком людей направляется к Мавзолее. От этого вечного людского движения теплеет гранит, и потому, наверное, никогда не холодно солдатам, стоящим на посту у Мавзолее.

А. БАТУРИНА.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА БУДЬТЕ ГОТОВЫ!

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 45-й | № 9 [5384] | Пятница, 30 января 1970 г. | Цена 1 коп.

Идёт Всесоюзная экспедиция ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!

ДОРОГОЙ ЧАЙКИ

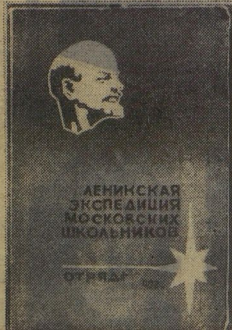
«Она любила жизнь и поэтому пошла воевать, когда враги напали на её Родину. Лиза стала партизанкой. Леса, где она партизанила, были далеко от моря, но люди прозвали её Чайкой. Доброй и ласковой была Чайка для друзей, суровой и беспощадной — для врагов. Смерть подстерегла храбрую девушку. Боевые друзья хоронили Лизу без слёз: не может умереть Чайка!.. Так началось сочинение воронежского школьника Андрияши Добрылюбова о Герое Советского Союза бесстрашной партизанке Лизе Чайкиной, напечатанное в «Пионерской правде».

Нет, не может умереть Чайка, не может умереть память о ней. Экспедиционный отряд туристов 132-й московской школы идёт по местам, где жила, работала, сражалась Чайка: Пёно, Руна, Слаутино, Мизиново. Идут, чтобы лучше понять, сердцем коснуться подвига.

...С. Н. Котов — живая история, связной партизанского отряда. Жил в Пёно на краю деревни, переправлял продукты, оружие в Лизин лес. Он и выкрал у фашистов казённую Лизу.

...Партизанская землянка в лесу под Мизиновом. Здесь она часто бывала. Землянку отыскали и восстановили пионеры Мизиновской школы, а москвичи, уходя, укрепили на двери дощечку со словами Юлиуса Фучика: «Об одном прошу тех, кто переживёт это время: не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых...»

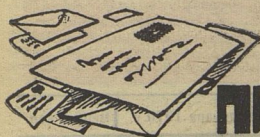
Фото Игоря ЦЕРБАКОВА.

Каждый день почта приносит в «Колокол» ваши письма, ребята. В них слышатся взволнованные, искренние голоса. Они откликаются на радость и боль незнакомых людей, живущих даже на другом конце планеты. Они требуют справедливости и мира.

Ваши предложения и советы очень помогают «Колоколу».

ГАРРИ ПИШЕТ ПРЕЗИДЕНТУ

Недавно я был в штате Канзас, и там меня познакомили с мальчишкой, который переписывается с президентом Соединённых Штатов Америки Ричардом Никсоном. Мальчишку этому десять лет. Зовут его Гарри Смит.

Гарри Смит и Никсон встретились летом 1968 года. Никсон тогда ещё не был президентом. Он был кандидатом в президенты. Он ездил по стране и везде рассказывал, какой станет жизнь в США, если избиратели проголосуют за него... Вернулся домой все солдаты из давнего Вьетнама. И у всех будет хорошая работа. Даже у негров. Цены в магазинах не будут больше подпрыгивать. А жители американских городов перестанут, наконец, бояться за себя и своих близких.

Так вот, кандидат в президенты Никсон прилетел в Канзас, чтобы произнести там свою очередную речь. Его встретила толпа избирателей. Гарри Смит, конечно, ещё не имел права голосовать, но ему очень хотелось увидеть Никсона.

Никсон пронаёб своё речу и начал пожимать руки избирателям. Вдруг он увидел плакат, который держал в руках белокурый мальчик. На плакате было написано: «Мистер Никсон, мой родители будут голосовать за вас».

Никсон подозвал к себе мальчишка, ласково обнял его:
— Как тебя зовут?
— Гарри Смит.
— Будем знакомы, — улыбнулся Никсон.

Когда Гарри стал президентом и поселился в Белом доме в Вашингтоне, Гарри послал ему письмо с поздравлениями от всей семьи. Президент ответил коротенькой записочкой: «Мой маленький друг, передайте своим родителям, что я благодарю их за доверие».

С тех пор прошёл ровно год. Это был несвободный год для Гарри Смита. Если говорить точнее, это был год сплошных несчастий.

Прошлой осенью во Вьетнаме погиб старший брат Гарри. Его звали Джордж. Гарри его очень любил. Поверив обещаниям президента, что война против вьетнамских патриотов скоро закончится, все уже начали считать

— Как выполняют свои предвыборные обещания президенты США? — хочет знать Люба Фортова из города Вязники Владимирской области.

На вопрос Любы отвечает корреспондент газеты «Правда» в Америке Борис Георгиевич Стрельников. Вот что он перedal на днях из Вашингтона специально для «Пионерской правды».

Вот уже месяц, как всё хозяйство, всё благополучие семьи лежит на её плечах. Отец недавно попал в больницу. Он возвращался с работы, когда к нему подошли двое неизвестных. Один схватил его за горло, а другой стал выворачивать карманы. Потом отца ударили чем-то тяжёлым по голове, и он очнулся уже в больнице.

Когда Гарри пришёл навещать его, у кровати отца сидел полицейский офицер и расспрашивал, как это всё случилось.

— Когда же вы покончите с бандитизмом в нашем городе? — спросила мама полицейского офицера.

— Не берусь вам ответить на этот вопрос, мэм, — развёл руками офицер. — Вы же, наверное, знаете, что преступность в Америке растёт в одиннадцать раз быстрее, чем население.

А дома за ужином мама серьёзно посмотрела на Джими и тихо сказала:
— Бойсь, сынок, что ничего не останется тебе на обучение в университете.

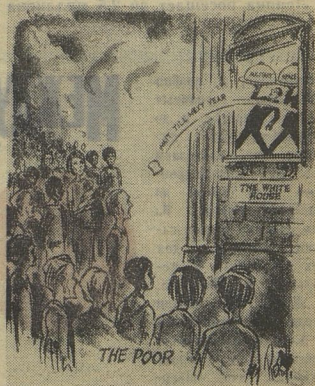
Оказывается, мама с отцом накопили деньги, чтобы платить за образование братьев. Но почти все сбережения ушли на лечение отца.

Гарри очень жалко маму. Она всё время встревожена, всё время чего-то боится. Боится, что Джими призовут в армию и убьют во Вьетнаме, как Джордж. Боится, что папа останется инвалидом. Боится, что бандиты украдут Гарри и потребуют за него выкуп. Боится, что будут и дальше расти цены на продукты.

Когда я был в Канзасе, там как раз состоялась демонстрация против войны во Вьетнаме. Здесь я и познакомился с Гарри. Он шёл вместе с мамой и братом Джими.

Гарри сказал мне, что собирается снова написать президенту. Сейчас он обдумывает это письмо. Первая фраза уже есть: «Господин президент, если вы помните, мои родители голосовали за вас, но вы не выполнили ни одного из ваших обещаний».

Б. СТРЕЛЬНИКОВ.
(Корреспондент «Правды» в Вашингтоне).

Это руки чёрной Америки. Это протест 22-миллионного негритянского народа. «Прекратите войну, дайте работу и гражданские права, сохраните жизнь нашим детям!» — вот о чём кричат эти руки за тюремной решёткой. Но на эти справедливые требования правительство Соединённых Штатов отвечает штыками, гранатами со слезоточивыми газами. Основные причины негритянских волнений — ужасные жилищные условия, постоянное голодание и высокая смертность детей.

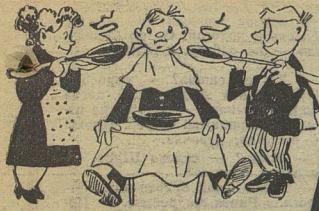
А теперь посмотрите на эту карикатуру, взятую из американской буржуазной газеты «Нью-Йорк пост», газеты, которую не заподозрите в особой симпатии к бедным людям. А что делать, когда вопют сами факты? Вот они: в США 45 миллионов живут на грани нищеты, из них 13 миллионов детей. С каждым годом увеличивается число безработных, к середине 1970 года оно достигнет 4 миллионов человек. Нищета и безработица — постоянные спутники американского «экономического роста». «Положите по будущему года!» — летят обещания из Белого дома. Обещания, которые не выполняются.

В этих гробах, накрытых звёздно-полосатыми флагами, лежат американские солдаты. Они погибли вдали от родины, выполняя волю своего правительства, волю миллиардера, которым война приносит огромную прибыль. Богатым магнатам нет дела до своего народа. Что им его страдания, его кровь! Что им до того, что во Вьетнаме уже убито и ранено свыше трёхсот тысяч американских парней!

Посмотрите на снимок слева. Это рядовой армии США Дэн Буллок. Его судьба так же трагична, как и судьба Грета Роджерса. (Снимок справа) Дэн погиб во Вьетнаме, когда ему исполнилось пятнадцать лет. В таком же возрасте Грет застрелился, погнавшись за ступеньками Капитолия. «Не оплакивайте мою смерть. Пусть она будет победой прогресса против войны во Вьетнаме», — было написано Грегом в записке.

Такова действительность нынешней Америки. Америки президента Никсона.

«ХОЧУ БЫТЬ МАЛЕНЬКИМ!»

Ирина СТРЕЛКОВА

Знаю я одного хитрого человека. Ему пять лет, зовут его Вовком.

— Кем ты станешь, когда вырастешь? — спросила я его.

— Я буду маленьким! — ответил Вовик.

Ничего не скажешь, соображает этот Вовик, ему выгодно быть маленьким: забот никаких — один уют.

Однажды старший брат Коля взял у Вовика цветные карандаши, чтобы раскрасить контурную карту.

— Мои карандаши! — взвыл Вовик. — Отда-а-а-и!

«Вот только попробуй стукни меня, — было написано на его хитрой физиономии. — Я зареву, и тебе попадет».

Недавно Вовик разбаловался, пустился бежать по замершему пруду и провалился в прорубь. А попало за это кому? Коле. Он недосмотрел за маленьким.

Я не рассказывала бы про этого пятиклассника Вовика, если бы только мальши вели себя так.

Знаю я одного очень даже рослого пятиклассника. С виду ему дасть

не одиннадцать, а все четырнадцать лет. Но, присмотревшись повнимательнее, заметишь, что в его глазах сияет младенческая хитреца.

Своих родителей он уже приучил к тому, что, если утом его не расшоткает, он сам не встанет и пропустит все уроки. А если вечером вместе с ним не сесть за решение задач, он их может и не решать вовсе.

И если для урока физкультуры мама не положит ему в портфель тренировочный костюм и кеды, то сам он об этом и не позаботится.

В школе этот хитрец тоже ведёт свою политику.

— Покажи, как ты написал домашнее упражнение, — говорит учитель.

— А разве нам задавали? — удивляется хитрец.

— Дай сюда дневник!

— Я его дома забыл.

И на лице младенческая беззаботность. Я, мол, ещё маленький, вовсе несмышлёный. Со мной строго говорить не надо, а то я вду до того расстроюсь, что вовсе не приду в школу. Сами же тогда будете

переживать. Сами же будете добиваться, чтобы «трудный ребёнок» вернулся в школу. И у вас же будут неприятности.

Такую же хитрую политику ведёт этот пятиклассник и со своими ровесниками, со своими школьными товарищами. Одноклассники нячатся с ним, как с младшим братцем: кто послабее характером, тот даёт ему списывать.

Да, вместо отдышки, вместо кино сидит и занимается с этим дентем, потому что надо тянуть за собой этого младенца. Стыдно ведь будет классу, если он останется на второй год. Люди скажут: «Столько умных ребят не смогли помочь одному несмышлёнышу».

Я не рассказывала бы про этого хитрого пятиклассника, если бы только отдельные ленные ребята вели себя так. Случается, что и целые классы не желают выбираться из младенчества. Вот что пишет в «Пионерскую правду» восьмиклассница Толя из города Лентера:

«До седьмого класса классным руководителем у нас была Аделя Михайловна. Мы её очень любили. До потом она перешла в школу-интернат. С того времени всё у нас и началось. Мы распустились окончательно. Даже у хороших учеников появились двойки. Все возмущаются, но мы не можем взять себя в руки. Что делать, не знаем».

Вот ведь какая история! Восьмиклассники не знают, что им делать.

Хорошие ученики получают двойки. Все понимают, что распустятся окончательно, все возмущаются... и все ждут, чтобы кто-то сделал хороших учеников, нахватавших двойки, опять хорошими без всякого их собственного старания.

Так и слышится в этом письме жалобный хитроватый голос: «Мы ещё маленькие. Мы сами ни за что ответить не можем. Нам ещё нянька нужна. Помогите, а то мы вовсе испортимся!».

Да, уж очень похож этот голос на Вовиково нытьё. Кстати, Вовик после того как побывал в проруби, обрёл ещё большую власть над старшим братом. Если Коля отказывается запрягаться в санки, Вовик говорит: — Ага! Не хочешь меня катать? Ладно. Я сейчас пойду провалюсь в прорубь — тебе же хуже будет.

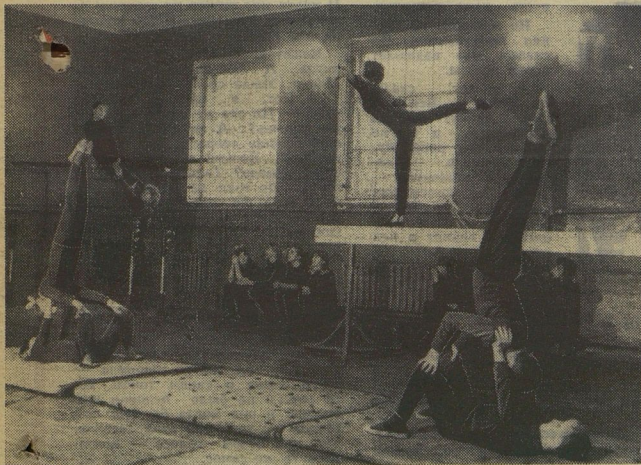
Мне сдётся, что и восьмой класс, о котором пишет Толя, тоже решил переполошиться, перепутать старших. А что ответишь этому классу? Я бы сказала резко и прямо:

— Хватит, ребята, валять дурака! Сами распустились, сами и соберитесь, да и возьмитесь покрепче за учение и за другие школьные дела!

Но нет, Я просто не решаюсь говорить так резко. А вдруг этот восьмой класс ещё лучше знает:

— Ага! Не хочешь нам помочь? Такая большая «Пионерская правда», а на нас, маленьких, нападаешь...

Прямо-таки безвыходное положение. Впрочем, может быть, выход есть и кто-нибудь его знает?

Как только над селом Паустово опускается вечер, в окнах школьного спортивного зала вспыхивает яркий свет. После каждой удачной атаки на баскетбольное кольцо звучит судейская сирена. А когда из окон школы слышится музыка, жители села знают: это гимнасты готовят новую программу для состязаний.

Владимирская область.

Фото В. ГУСЕВА.

ПОЗИЦИЯ ОБОСТРЕАЕТСЯ

Одиннадцатый ход белых не вызвал споров. Все члены клуба «Белая ладья» единодушно высказались за отступление короля 11. Кр11. С нетерпением ждали мы в редакции ответ моряков. Пойдут ли они на выиграв пешки путём 11...С.с3 12.bc Ф...с3? Тогда ведь после 13. e5 у белых сильная атака.

И вот наконец пришла радиограмма с борта теплохода: «Наш одиннадцатый ход обдумали по дороге из Генуи в Стамбул. Решили сыграть 11...Kg4. Передаём большой привет тридцати тысячам ребят, нашим юным друзьям-соперникам. Капитан Семак».

Итак, моряки отказались от материальных приобретений и сами ведут наступление. Чёрные грозят сделать «вилку» — Kf2+. Позиция крайне обострилась. От вас, ребята, теперь требуются точные и решительные действия.

Клуб «Белая ладья»

Теплоход
«Пионерская правда»
11. Kpg1—h1
12. ?
Kf6—g4

ПО СЛЕДАМ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ

Учащиеся школы колхоза имени Ленина Оренбургской области любят спорт. Но заниматься им негде. Нет ни спортплощадки, ни спортивного инвентаря.

Женщина обратилась в Оренбургский районкомсомола с просьбой помочь им. Секретарь райкома товарищ Кругляничко сообщил, что сейчас есть где ребятам заняться спортом. С помощью комсомольцев колхоза построена спортивная площадка. Приобретён спортивный инвентарь. Нашлись среди комсомольцев и тренеры.

На лыжне с Наташей соперничать очень трудно. А вот когда урок физкультуры в зале, настроение у Наташи падает. Есть такой гимнастический снаряд — брусья. Трудный снаряд: без тренировки мало какое упражнение на нём сделаешь. Наташе никак не даётся «угол» и «сползание».

Но Наташа твёрдо решила: научусь! Замерла на вытянутых руках, прогнулась. Теперь осторожно наклонить корпус, перехватить руки и медленно скользнуть вниз. Осторожно...

— Ха-ха-ха! Ой, умру от смеха!..

Это смеялся Володя, который получал по физкультуре только отличные отметки. Гуки дрогнули, Наташа пограспела и тяжело прыгнула на мат.

Володя очень любит физкультуру. Очень весело ему на этом уроке. Здесь можно померяться над неловкостью одноклассников.

— Смотрите, смотрите! Ха-ха-ха...

Когда ему делают замечание, он удивляется:

— Так я же не со

зла! Я же по-дружески. Так сказать, полезная критика!.. Смотрите, смотрите! Ой, не могу!

А всего час назад была алгебра. Володя вызвали к доске. В классе стояла напряжённая тишина. Каждый знал: только в полной тишине можно сосредоточиться, собраться с мыслями.

А что, если бы Наташа вдруг рассмеялась? Рассмеялась «по-дружески», в порядке критики?..

Е. ПАВЛОВА.
(Наш корреспондент).
г. Новосильск,
школа № 99.

ТРЁХКРАТНЫЙ...

Экс-чемпион мира Тигран Петросян, победив в матче гротмейстера Льва Полугаевского, стал чемпионом Советского Союза. Это третья победа прославленного шахматиста в соревнованиях на первенство страны. Тигран Бартамович был первым в 1959 и 1961 годах.

Матч с Полугаевским особый. Петросян несколько месяцев назад уступил мировую шахматную ко-

рону Борису Спасскому. Многие считали, что после поражения Петросяну не вернуть былую спортивную форму. Проверь эти заявления сам экс-чемпион. Петросян недавно блестяще выступил на турнире в испанском городе Пальма-де-Мальорка. Второе место — в ни одного поражения. И вот теперь новая победа!

В. ВОЛКОВ.

— Да-да, — сказал мужчина. — Что? Заходи...

7

Но Женька не отставал. И лишь настойчивый звонок в дверь помог Шуру переменить разговор.

— Наверное, Раиса Андреевна ушла, — сказал он, — и никого нет. Откройсь?

Женька пошёл в переднюю. Почта, — сказал он, когда возвратился. — Большой конверт принесли. Какому-то Пиринскому. Я расписался. Куда его девать?

— Это Оскару Савельичу, — сказал Шура, — сунь в ручку двери. Знаешь его дверь? Вторая справа.

Женька вышел и тут же вернулся. Шура не успел даже сложить и убрать письма от Робина Гуда. Так они и остались лежать на постели.

— Не влезает, — сказал Женька. — Конверт большой.

— А ты зайдй в комнату и положи, — сказал Шура. — У него всегда открыто... Не бойся, я тоже так делаю. Иди, иди. Он не запирает.

На этот раз Женька не приходил значительно дольше, а когда вошёл, вид у него был какой-то растерянный.

— Там на столе... — сказал он и замолчал.

— Ага, — сказал Шура, — порядок у него, как в аптеке. Он всегда такой. И всем замечания делает.

— Там на столе, — повторил Женька, — у него... письмо лежит.

— Ну и что такого? — спросил Шура. — Ясно, ты положил, оно и лежит. Что с тобой? Чего ты так смотришь?

— Ничего, — медленно сказал Женька.

Было видно: он упорно о чём-то думает, но ничего придумать не может. И потом Женька открыл рот, но в это время Шура, удивлённый и немного испуганный видом приятеля, крикнул:

— Да чего ты, в самом деле? Змею там увидел, что ли?

И, сам того не ведая, он довольно точно определил ощущение Женьки.

— Я... там... — сказал Женька. — Подошёл конверт положить... И вижу на столе...

Он опять замолчал, но в глазах выговорилось что-то самое страшное.

— Да говори ты, наконец! — в отчаянии кричал Шура. — Письм какой-то!

И, подстёгнутый оскорблением, Женька сказал:

— На столе у него письмо лежит. Не это, что я принёс. Другое. Я бы и не посмотрел, но там написано знаешь что? «Дорогой сэр».

— Он распечатал! — крикнул Шура.

— Ну да. А как бы я тогда прочитал?

— Что же он чужие письма читает? Может, по ошибке? Конверт разорвал, смотрит, не ему. А отдал забыл... Ты что онять?

Шура крикнул это потому, что у Женьки, который немного успокоился, лицо снова стало испуганным:

— Там почерк совсем взрослый... Совсем взрослый! — повторил Женька.

— Ничего не понимаю, — сказал Шура. — Чуть какая. Уж Робин Гуд пишет так пишет. Будь здоров!

— Там всего одна страница, — продолжал Женька. Вид у него был виноватый. — И не...

Окончание. Началось «Пионерскую правду» №№ 7 и 8.

конченная. Меньше половины.

— Чуть! — снова крикнул Шура. — Принеси сюда... Давай, давай, не бойся. Я отвечаю.

Женька ушёл за письмом и почти сразу вернулся, но Шура показалось, что прошёл чуть ли не целый урок.

— Вот! — Женька протянул ему лист бумаги.

Шура взял письмо. Какой неразборчивый почерк! «Дорогой сэр!» — прочитал он. И дальше: «Не буду больше докучать Вам вопросами о Вашем здоровье. Знаю: оно идёт на поправку. Поэтому сразу о другом. Помните, я упоминал как-то...»

На этом письме не заканчивалось. Но Шура дальше читать не стал. В каждом слове, в каждой фразе, не говоря уж о почерке, он узнавал сейчас мысли и руку взрослого человека... Да, конечно!

И как он мог хоть на секунду подумать иначе? Здорово его оудрачил Оскар Савельич! Хотя, почему «оудрачил»? Сам виноват! Никто не просил думать, что это Манша! Навоображал неизвестно чего! Но и Оскару Савельичу тоже нечего лезть со своими письмами. Дел у него других нет, что ли? Хорошо ещё, один Женька знает!

Весь этот ворох мыслей всплунул и мгновенно прогорел в Шуриной голове, как охапка хвороста в раскалённой печи. Но за это мгновение всё переменялось. Так, по крайней мере, казалось Шуру. И когда он поднял голову и посмотрел вокруг, то увидел другой шкаф и другую полку в простенке между окнами, а за окнами — совсем неизвестный дом. И Женька был другой.

— Ты не надо так... — сказал другой Женька. — Подумаешь. А письма всё равно хорошие.

И, покладывая, добавил: — Я никому не буду говорить, честное слово... Давай в шахматы сыграем?

— Какие шахматы? Шура не сразу вспомнил, что это за игра такая. Но он, конечно, сыграет. Не будет же он тут валяться и плакать или вздыхать...

— Только сначала отнеси, — сказал он, кивая на письмо, которое лежало на одеяле рядом с другими, читанными и перечитанными письмами. «Робин-гудами», как их называл Шура.

— Забери это, — повторил он. Женька взял письмо и молча вышел. Без стука он толкнул дверь к Оскару Савельичу и постучал. Там у стола стоял невысокий мужчина и перебирал что-то. Кажется, книги.

На последней перемене к Маше Громовой подошла нянечка и сказала:

— Тебя там гражданин спрашивает. Может, родственник какой?

— Не знаю, тётя Ниюша. А что он говорит?

— А ничего не говорит. Позови Машу Громову — и всё. Чего натворила-то?

— Да ничего, тётя Ниюша. Где она?

— Визу у раздевалки. «Кто это может быть?» — думала Маша, сбегая вниз по лестнице. В вестибюле она сразу увидела невысокого, почти лысого мужчину, который топтался у раздевалки.

— Это вы меня спрашивали? — сказала Маша, резко задержав своей бег.

— Да. Здравствуйте, — сказал мужчина. — Вы меня не знаете, но я сейчас всё объясню.

Сначала Маша не могла понять, какое она-то имеет отношение к письмам: ну писал, ну Робин Гуд... А причём тут она? И этот человек странный какой-то... Но с каждым словом незнакомца ей становилось всё понятнее, что же именно произошло. Когда Маша окончательно всё поняла, кроме одного: что нужно ей делать, провонел звонок.

— Ох, — сказал мужчина, — вам надо бежать на урок, да?

— Я могу не ходить, — радостно предложила Маша.

— Только тебе предстоит с Кирой Васильевной, пусть меня отпустит.

Но мужчина не принял предложения. Он сказал, что подождёт около школы.

— Он нет! — сказала Маша. — Все увидят, начнут потом спрашивать, а я не удержусь и расскажу.

— Хорошо, — согласился мужчина. — Тогда в помещении сберкасса. Тут, за углом. Надеюсь, ваши ребята не хранят в ней свои сбережения.

...Каким это были сократившимися минутами: как хотелось Маше рассказать сейчас обо всём Ларисе, которая сидела рядом, и лицо у неё было такое внимательное... Куда бы сразу делалось всё её внимание и как начала бы она сыпать вопросами! Но нельзя: Маша дала слово.

В сберкассе недалеко от столбика с таблицами выигрышей мужчина объяснил, наконец, Маше, что от неё требуется.

Да, она должна соврать, выдумать, приукрасить, преувеличить — называйте как угодно. Но это нужно сделать. И вовсе не из-за него... Кстати, его зовут Оскар Савельич... Мужчина даже слегка поклонился.

Это нужно сделать для Шуры. И не только потому, что он сейчас болен... Вообще всё повернулось так, что может причинить большой вред... душевный. И надолго. А ведь никто, наверное, ни в чём не виноват.

— Уж я-то совсем, честное слово, — сказала Маша и покраснела. — Всё он выдумал.

— Это сейчас тоже не имеет значения, — сказал Оскар Савельич. — Я прощу помощи.

— Разве я отказываюсь? — сказала Маша. — Только вдруг не получится?

— Получится, — сказал Оскар Савельич. — Если вы будете убеждены, что делаете то, что надо... И не забудьте про некоторые детали, о которых я говорил. Да, вот черновики моих писем. Секретов тут, конечно, нет. Почерк у меня только плохой. — У моего папы тоже, — утешила его Маша.

И вскоре каждый из них пошёл своей дорогой: Оскар Савельич — на работу, а Маша...

— Ты не спишь? — спросила Шуру Раиса Андреевна, когда вошла в комнату. — Стучу, не отвечаешь. Принимай гостей. Проходи, проходи, девочка.

— Маша? — сказал Шура. — Ты зачем пришла?

— Может, чай будете пить? — спросила Раиса Андреевна. — Поставить?

— Не надо, — сказал Шура. — Здравствуй, — сказала Маша. — Можно и чай?

— Садись, — сказал Шура.

Он глядел на не её, а на дверь, которая только что закрылась за Раисой Андреевной, на потолок, на полки для портьер — куда угодно, только не на неё.

И тут Маша поняла, что врать, а также выдумывать, приукрашивать или преувеличивать она в судности не может. И что никакой актрисы из неё не выйдет. Она поняла, что не сумеет произвести ни звука из того, о чём они говорили с Оскаром Савельичем.

И хотя ей было ужасно жалко этого Шуру, который лежал с таким злым и несчастным, каким-то одиноким лицом, но язык у неё не поворачивался уверить, что письма писала она, и что Оскар Савельич — знакомый её отца и бывает у них дома, что она с ним поделилась и просила иногда помогать ей писать, потому что самый было трудно... ну, когда там всякие серьёзные вещи...

Вместо этого Шура сказала совсем другое.

— Я пришла тебе навестить, — сказала Маша. — Взяла и пришла. И никто мне ничего не говорил! — закричала она, когда Шура поднял на неё глаза. — Не думай!

Кажется, было молчанье, была пауза. А может, их и не было. Может, Маша сразу продолжала.

— Нет, я вру, — говорила она. — Но это не такое враньё. Понимаешь?.. А он хотел, чтоб я ещё больше соврала. Его письма, видишь?.. Возьми их. Жуткий почерк, правда? Только дело не в этом... Это тоже не такое враньё... А я сама бы тебе могла письма написать! Честное слово!.. Хочешь, напишу?.. Хоть сейчас! Сяду и напишу...

— Не надо, — сказал Шура, глядя куда угодно, только не на Машу.

— Нет, надо! — крикнула Маша. — Ну, ладно, не надо. Давай без писем... Просто... дружить!

Она чувствовала, что никогда и никому ещё так не говорила — такие слова и таким тоном. Но ей совсем не было неловко или стыдно, и она могла бы при ком угодно — хоть при этой соседке, хоть при целом классе — повторить то же самое.

— Ты хочешь чаю? — сказала Маша.

Шура посмотрел на неё.

— ...Ладно, — ответил он и что есть силы забарабанил в стенку к Раисе Андреевне.

(Рассказ печатался с сокращениями.)

Московские книжный магазин «ДРУЖБА» предлагает книги научной популярной серии, изданные на русском языке в странах социализма: «СОУЧЕК Л. Студ, где не слышно голоса», ц. 2 р. 15 к. «КНИЖНИК СЕРИИ 2. «Алло! Кто у телефона?», ц. 60 коп. «ЧТО И КАКИЕ машины», ц. 60 коп. ШЕБЕК Ф. «Гитарами, двоями, пальцами», ц. 1 р. 35 коп. Книги можно выписать наложенным платонком без зачета. Адрес магазина: Москва, ГСП-3, ул. Горького, 15.